
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОРЯДКА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

УДК 340.111

С. 133–150

ПОНЯТИЯ В ПРАВОВОЙ НАУКЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СУЩНОСТИ

Пучков В. О.

*Уральский государственный юридический университет
г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: puchkovandpartners@gmail.com.*

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к определению методологической сущности понятий правовой науки, а также к их различению со смежными методологическими явлениями (неопределенной дескрипцией, идеей, идеальным объектом, концептом и теорией). Предлагается авторский подход к пониманию юридических научных понятий как воспроизводимых в юридическом научном мышлении предметно-содержательных форм, в которых отражаются основные сущностные особенности, отношения и закономерности функционирования и развития, присущие явлениям и предметам правовой действительности и обоснованные методологически. Обосновывается, что язык и правила логики выступают инструментами отображения правовых научных понятий в *языковом юридическом мышлении*, но не причиной такого отображения; в качестве таковой выступает предметная репрезентативность правовой науки, а также общие основания (принципы), методы, методологические подходы, критерии и концепции научного правопознания, т. е. — сама методология юридической науки. Аргументируется вывод о том, что юридические научные понятия выступают формой отражения научного знания о праве, и в этом смысле не могут быть отождествлены с воззрениями субъекта познания на исследуемый предмет, с феноменами мышления *per se*, инвариантными внешней (по отношению к субъекту познания) реальности.

Ключевые слова: понятие, юридическая наука, методология, неопределенная дескрипция, идея, идеальный объект, концепт, теория.

Для цитирования: Пучков, В. О. Понятия в правовой науке: методологические вопросы сущности / В. О. Пучков // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 133–150.

CONCEPTS IN LEGAL SCIENCE: METHODOLOGICAL ISSUES OF ESSENCE

V. O. Puchkov

*Ural State University of Law
Yekaterinburg, Russian Federation
E-mail: puchkovandpartners@gmail.com.*

Abstract. The article discusses the main approaches to the definition of the methodological essence of the notions of legal science, as well as to their distinction with related methodological phenomena (indefinite description, idea, ideal object, concept and theory). The author suggests an approach to understanding legal scientific notions as reproduced in legal scientific knowledge of subject-meaningful forms, which reflect the main essential features, attitudes and patterns of functioning and development inherent in the phenomena and objects of legal reality and methodologically grounded. It is substantiated that language and the rules of logic are instruments for displaying legal scientific concepts in scientific reasoning, but not the reason for such a display; as such, the substantive representativeness of legal science, as well as general grounds (principles), methods, methodological approaches, criteria and concepts of scientific jurisprudence, i. e. — the methodology

of legal science. It argues the conclusion that legal scientific concepts are a form of reflection of scientific knowledge of law, and in this sense cannot be identified with the views of the subject of knowledge on the subject under study, with the phenomena of reasoning *per se* invariant external (with respect to the subject of knowledge) reality.

Keywords: notion, legal science, methodology, indefinite description, idea, ideal object, concept, theory.

For citation: Puchkov V. O. Concepts in Legal Science: Methodological Issues of Essence. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 133–150. (In Russ.)

Введение

В научном познании понятия выступают одним из фундаментальных методологических средств, обеспечивающих отражение познаваемых предметов и явлений, определение из сущностных свойств и характеристик и в конечном итоге — построение самой научной теории. По выражению выдающегося немецкого философа Г. В. Ф. Гегеля, «в понятии раскрывается подлинная природа вещи., и в нем должна поэтому находить свое выражение не только абстрактная общность., но и особенность его объекта» [14, с. 143]. В этом смысле понятия науки выступают итогом теоретической рефлексии предмета познания и отражают присущие ему закономерности функционирования и развития, онтологические основания научного предмета. Из изложенного следует, что для науки формирование понятий является одной из важнейших задач, поскольку в первую очередь именно в понятийном аппарате науки отражаются результаты научного познания.

Материал и методы

Основу исследовательского материала составили современные теоретико-правовые разработки, труды представителей философского знания, работы по общей методологии научного познания.

В настоящем исследовании использовались философские средства познания (общезнакомые философские концепции идеи, концепта, науки, понятия и др.; принципы диалектики, в частности, принцип логической определенности и исторической конкретности исследуемого предмета; всеобщие основания научного познания), метанаучные исследовательские средства (анализ, аналогия, экстраполяция, системный и генетический подходы), собственные методы юридической науки (юридическая догматика, юридическое конструирование).

Результаты

Чем меньше связь с материальным аспектом действительности имеет наука, тем большее значение для нее приобретает методологическая разработка абстрактных понятий.

В заданном контексте правоведение имеет дело не с эмпирической действительностью как таковой, а с ее *правовым концептом* как в большей степени идеальной, чем материальной, сферой общественной жизни. При этом ключевые понятия юридической науки — «право», «правовое регулирование», «правоотношение», «реализация права», «субъект права», «правовая ответственность» и т. д. — являются по своей сути формами мышления об *идеальном*, об *идеальных объектах*, не имеющих резидентных им объектов материального мира — денотатов [51, с. 41; 71, с. 50]. Здесь следует обратиться к диалектике реального и идеального, разработанной древнегреческим философом Платоном: каждому предмету материального мира, — писал Платон, — соответствует «тождественная идея, нерожденная и негибнущая, ничего не воспринимающая в себя откуда бы то ни было и сама ни во что не входящая, незримая и никак иначе не ощущаемая, но *отданная на попечение мысли* (выделено мною — В. П.)» [45, с. 53]. В отличие от всех предметов окружающей действительности право выступает не как нечто материальное, а как некий *концепт* этой действительности, внешне выраженный в нормативно-правовых актах, юридических нормах, правовых позициях, юридически значимом поведении и т. д., которые в то же время не являются по своей сути объектами, резидентными праву как понятию [22, с. 24–25]. Таким образом, право — это, безусловно, явление идеального порядка. Соответственно, *идеальное основание* имеют и теоретико-правовые категории [7, с. 50–60]. Отсюда вытекает особая специфика юридической научной деятельности, которая предполагает работу с понятиями, лишенными в большинстве своем денотатов, и результат которой во многом зависит от гносеологических и философско-теоретических установок.

Из этого логически следует, что истинность многих правовых исследований по большей части может быть обеспечена правильным мышлением и его рациональностью, т. е. его соответствием методологическим установкам, детерминированным спецификой

предмета исследования и особенностями актуального типа научной рациональности. Сказанным обуславливается особая роль методологии юридической науки, которая состоит в самосознании ее принципиальных основ и организации ее как формы деятельности, в первую очередь — в аспекте формирования юридических научных понятий [72, с. 86].

Специфика правового концепта действительности как предмета научного познания в правовой науке задает методологические особенности разработки юридических понятий, поскольку именно понятия права в конечном итоге отражают его специфику [1, с. 5; 2, с. 119]. С учетом изложенного, для целей определения методологической сущности понятий правовой науки они должны быть рассмотрены во взаимосвязи с содержательно смежными методологическими явлениями (идеей, концептом, теорией, дескрипцией и идеальным объектом), а также в их отношении к понятиям иных областей знания и во взаимном отношении друг к другу (здесь речь идет прежде всего о соотношении общетеоретических и отраслевых юридических понятий, а также о соотношении понятий, существующих в предметных областях различных отраслевых наук, но при этом обозначаемых идентичными терминами). Следование заданной логике позволит выявить сущностные методологические свойства понятий правовой науки и в этом смысле — сформулировать понимание того, *что есть научное правовое понятие*.

Обсуждение результатов

1. К обоснованию философско-методологической природы теоретико-правовых понятий

Отметим основные подходы, утвердившиеся в современной философской и науковедческой мысли, относительно содержания самого понятия «понятие». Научное понятие и понятие в целом находятся между собой в родовидовых отношениях: общее понятие «понятие» с точки зрения формальной логики выступает родовым по отношению к таким понятиям, как «философское понятие», «научное понятие», «обыденное понятие» и т. д. Следовательно, допустимо утверждать, что общее понятие «понятие» и видовое по отношению к нему понятие «научное правовое понятие» соотносятся друг с другом как часть и целое. При этом с позиции философской герменевтики именно целое определяет свойства части, задавая ей определенную функцию, поскольку первично свойственное целому не может быть первично свойственным части [18, с. 241]. В заданном контексте важно определить, что представляет

собой понятие в целом, чтобы далее осуществить теоретическую концептуализацию понятий правовой науки как форм юридического научного мышления.

Современный американский биолог и философ науки С. Кэйри, исследуя проблему генезиса понятий, отмечает, что понятия возникают как интерпретация реальности в субъективном мышлении, направленная на выявление свойств, присущих явлениям и предметам окружающей действительности. В этом смысле понятия в различных областях знаний возникают как «сознательная проекция реального на идеальное, т. е. отражение действительности в сознании» [75, с. 257–291]. Понятия в данном контексте выступают как форма отражения, фиксирующая результаты человеческого познания [63, с. 513]. С. Лоуренс и Э. Марголис отмечают при этом, что понятия, отражая действительность в сознании, становятся самостоятельными структурными единицами, которые в совокупности образуют онтологию мышления [78, с. 25]. В целом можно констатировать, что в философии является традиционным подход к определению понятия как формы мышления, в которой отражаются сущностные свойства, закономерности функционирования и развития предметов и явлений окружающей действительности [9, с. 91]. «Научные понятия, — отмечает в связи с этим С. А. Яновская, — суть копии, слепки, снимки с материальной действительности» [73, с. 35]. Схожий подход применительно к понятиям правоведения усматривается в исследовании Е. Б. Пашуканиса, по мнению которого правовые научные понятия возникают в результате абстрактного восприятия нормативно-правовых предписаний и в этом смысле выступают как теоретические модели средств правового регулирования [43, с. 4; 56, с. 26–27]. Так ли обстоит дело? Допустимо ли признавать понятия теоретической моделью действительности, ее «копиями»? Полагаем, что нет.

Во-первых, действительность как целостное системное явление не ограничивается только материальным аспектом. Так, некоторые явления и предметы действительности не имеют материального выражения и в этом смысле, являясь в целом продуктами мышления, мыслительного воздействия человека на актуальную реальность, существуют не в материальном, а в идеальном аспекте действительности. К числу таких явлений относятся, к примеру, субъективные права: ни одно субъективное право (к примеру, право наследования, активное и пассивное избирательное право, право на обращение за судебной защитой и т. д.) не имеет денотата в материальном

аспекте действительности. Однако это не является поводом для сомнений в онтологическом статусе, в реальном существовании субъективных прав (хотя бы в силу их конституционного закрепления). Мы можем наблюдать конкретные действия, направленные на реализацию этих прав (например, подачу заявления о принятии наследства, заполнение избирательных бюллетеней, предъявление искового заявления в суд), но эти действия не могут с позиции философии считаться явлениями, резидентными субъективным правам как идеальным конструкциям и как понятиям. Таким образом, идеальный концепт действительности, будучи тесно связанным с материальным, тем не менее, не отождествляется с ним и не является «слепком» с материального.

Во-вторых, как следует из изложенного, не все теоретические понятия имеют непосредственную связь с материальным аспектом действительности через определенный резидентный объект. Таковы по своей сущности такие понятия как «государство» и «право». Данные понятия отражают сущность целого комплекса социальных явлений в их системной взаимосвязи и структурно-функциональной взаимообусловленности, но при этом по своей конструкции не «копируют» эти явления, а выделяют их единый политико-правовой смысл. Так, в этом контексте право как социальное явление — это не «копия» строго определенного объекта, а многоаспектная нормативно-регулятивная система, явление идеального порядка, которому соответствуют многообразные содержательные интерпретации понятия «право» [10, с. 66, 118; 31, с. 386–391]. Здесь представляется безусловно справедливым тезис К. Маркса, который отмечал: «Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня» [37, с. 384].

В-третьих, подход к понятию как «модели» действительности (при всей его перспективности применительно к представлениям о разотождествлении самой государственно-правовой действительности и единиц познающего ее юридического мышления) способен продуцировать существенные методологические дефекты в области научного познания. Так, если принять понятие за некоторую модель действительности, то учитывая, что понятия образуют фундамент предмета науки, можно прийти к выводу о том, что предмет науки представляет собой «чистую теорию», не связанную с познаваемой действительностью. В частности, к такому заключению приходит Н. Н. Тарасов. Отождествляя предмет правоведения с системой

теоретических понятий [57, с. 9], он отмечает, что в этом контексте предмет юридической науки представляет собой «создаваемую определенными исследовательскими средствами теоретическую модель... реальности» [58, с. 138]. Действительно, ключевые свойства научного познания, а именно — его предметность и следование определенным методологическим нормам, — проявляются в том, что конкретная наука (к примеру, правоведение) выделяет определенный фрагмент действительности для целей его исследования [26, с. 219; 38, с. 8–9; 53, с. 29–24]. Однако при этом, как обоснованно замечает Л. М. Косарева, «предмет науки... — это ценностно-значимый для человека «срез» действительности, взятой под определенным углом зрения» [33, с. 119]. В этом смысле конструкция предмета науки основана на диалектической взаимосвязи объективного (т. е. действительности *per se*) и субъективного (т. е. выделения фрагмента действительности и его исследования релевантными методологическими средствами). В то же время в подходе Н. Н. Тарасова усматривается нивелирование *объективного основания* предмета правовой науки, поскольку, если рассматривать предмет правоведения как исключительно понятийную модель, то в заданном контексте эта модель (если не учитывать методологические аспекты ее создания, в частности, специально-научный уровень исследования) как предмет науки может быть отождествлена с субъективными воззрениями конкретного исследователя на правовую действительность. Кроме того, при данной концептуализации размываются границы между субъектом научного познания права и его предметом, поскольку предмет правоведения предстает как «модель», по сути не существующая нигде, кроме индивидуального исследовательского сознания. Соответственно, в этом смысле и понятия правовой науки — это даже не «копии», снятые с действительности, а субъективные воззрения, которые в сущности могут не иметь никакого действительного обоснования. Если следовать логике рассуждений Н. Н. Тарасова, то понятия правовой науки могут не отражать ни свойств, ни закономерностей, присущих явлениям правовой действительности, и вследствие этого истинность юридического научного исследования нивелируется. Представляется, таким образом, что подобный подход является методологически необоснованным и неверным по существу, поскольку, как справедливо отметил Д. А. Керимов, «если бы предмет и его познание «совпадали», то существование и развитие науки потеряло бы смысл» [30, с. 92]. Отсюда, признавая

определенную эвристическую ценность такого подхода, следует учитывать, что в заданном контексте вопрос о создании именно *юридической понятийной модели* (соответствующей предмету правоведения *per se*) — это, в первую очередь, вопрос об использовании специального метода правоведения. В ином случае, если, к примеру, предпринять попытку создания теоретико-понятийной модели государства и права неюридическими методами, то соответствующая модель уже не будет соответствовать предмету *именно юридической науки*.

В связи с изложенным допустимо утверждать, что понятие, будучи формой мыслительного отражения сущностных характеристик, взаимных связей и закономерностей функционирования познаваемых предметов и явлений, объединяет в себе объективное и субъективное основание. Объективное основание теоретико-правового понятия в заданном контексте образовано самой познаваемой действительностью, а субъективное — закономерностями и ключевыми свойствами этой действительности, выделяемыми посредством методологической работы и отражаемыми в мышлении познающего субъекта.

В рамках изложенного важно подчеркнуть, что особенности научных понятий опосредуются двумя фундаментальными характеристиками научного познания — предметностью и следованию методологическим нормам научной деятельности. Указанные особенности обуславливают соответствующие свойства понятий науки, которые формируются в предметной области конкретной науки в соответствии с ее методологией [28, с. 525–526]. Таким образом, гносеологические установки научно-теоретического мышления, основанного на методологической интерпретации феноменов, включенных в предметное поле осмысления той или иной науки, становятся основанием формирования научных понятий, в том числе — и понятий правоведения. В связи с этим, предваряя методологический аспект соотношения понятий юридической науки со смежными методологическими конструкциями, предпримем попытку сформулировать исходное понимание юридического научного понятия, которое будет для целей дальнейшего хода исследования принято за образец для сравнения. Представляется, что *понятия юридической науки представляют собой воспроизводимые в юридическом научном мышлении предметно-содержательные формы, в которых отражаются основные сущностные особенности, отношения и закономерности функционирования и развития, присущие явлениям и предметам правовой действительности*

и обоснованные в контексте применения средств познания, актуализируемых современным правоведением [6, с. 125; 7, с. 51].

II. Проблема логического основания понятий в правоведении

Понятия правовой науки, по мнению А. Ф. Черданцева, выступают как логико-языковые феномены правоведения, «движение информации, облеченной в языковую (знаковую) форму» [65, с. 38]. В то же время, в своих дальнейших рассуждениях ученый несколько односторонне определяет сущность понятий: «...Искать у понятий, вовлеченных в правовую сферу, какие-то особенности — дело бесперспективное и ненужное» [65, с. 38] — утверждает автор; свою позицию А. Ф. Черданцев мотивирует тем, что правовые научные понятия «проникают в систему языкового общения всех сфер общества» [65, с. 38], и в этом смысле подчинены общим логическим правилам образования понятий.

Как было отмечено ранее, основой формирования правовых научных понятий выступает предмет и методология юридической науки, т. е. особая сфера исследовательской деятельности, имеющая ряд существенных особенностей по сравнению с другими сферами познания (как научного, так и вненаучного). В этом смысле, особенности формирования и онтологии понятий правоведения задаются методологической спецификой юриспруденции как отдельной науки, а, значит, ее понятийный аппарат неизбежно приобретает специфические характеристики, отличные от характеристики, присущих понятийным аппаратам других наук [41, с. 29]. Понятия правовой науки, таким образом, формируются в концептуально-методологическом пространстве научного юридического мышления.

Применительно к характеристике понятий правоведения как логико-языковых феноменов следует отметить следующее. По замечанию Г. П. Щедровицкого, «логика изучает *объективные, независимые от субъекта явления, а мышление есть субъективное человеческое переживание*» [68, с. 136]. В этой связи понятия формальной логики не отражают различия между мыслительной деятельностью как таковой и продуцируемыми ею знаниями [19, с. 5–6; 68, с. 159]. Потому видится обоснованным утверждение М. Ф. Орзиха о том, что применительно к образованию понятий правовой науки «логические, абстрактнонаучные приемы, даже в случае выхода за пределы традиционной логики, представляют теорию формального вывода, не имеющего самостоятельного теоретико-познавательного значения» [42, с. 19].

Таким образом, правила логики выступают инструментами отображения правовых научных понятий в научном мышлении на уровне языка, но не основной причиной такого отображения; в качестве таковой выступает предметная репрезентативность правовой науки, а также общие основания (принципы), методы, методологические подходы, критерии и концепции научного правопознания, т. е. — сама методология юридической науки.

III. Теоретические понятия юриспруденции и смежные методологические феномены: вопросы разграничения

а) Теоретико-правовые понятия и неопределенные дескрипции

Указанные выше методологические особенности понятий правоведения выступают основанием различения правовых научных понятий и неопределенных дескрипций (описательных имен). Американский исследователь У. Р. Рейтман следующим образом раскрывает сущность неопределенных дескрипций: это логико-языковая единица, при помощи которой «обозначается либо множество элементов, удовлетворяющих некоторому критерию, либо сам этот критерий» [49, с. 145–146]. В этом смысле, как подчеркивает английский математик и философ науки Б. Рассел, «неопределенная дескрипция имеет форму «*a so-and-so*»... (некий объект, обладающий такими-то признаками)» [82, р. 167]. В рамках неопределенных дескрипций знак (термин) отображает объект, характеризующийся определенным признаком [3, с. 212] (тот *S*, для которого верно *P*). *Prima facie* может показаться, что в неопределенная дескрипция имеет существенные сходства с понятием правовой науки, поскольку так же нацелена на отыскании признаков (связей, закономерностей, функций и т. п.), присущих тем или иным объектам. С учетом изложенного допустимо утверждать, что неопределенная дескрипция не столько отражает реальность, сколько моделирует ее [47, с. 18]. Для неопределенной дескрипции первичен не объект, а некоторый признак; в этом смысле неопределенная дескрипция не отражает сам объект, взятый в его специфических свойствах, характеристиках и т. д., а отыскивает в некоторой системе объектов тот, которому присуще заданное свойство. При этом признаки, составляющие содержание данного объекта, «представляются как некоторое множество отдельных характеристик, данное их перечислением. Не воспринимается единство класса и признаков, характеризующих его элементы, обобщенный характер отражения предметов класса и в конечном счете то, что понятие по своей знаковой форме есть специфическая... переменная естественного языка» [9, с. 103].

С позиции аксиологии научного познания права дескрипция нацелена не на продуцирование нового знания, а на поиск в правовой реальности тех предметов и явлений, которым присуще то или иное свойство. Такой подход не соответствует методологическим нормам образования понятий в правовой науке, для которого первичны предмет и методология правоведения, а не какое-либо интуитивное полагание. Методологическое соотношение научного правового понятия и неопределенной дескрипции достаточно отчетливо можно проследить на примере такого явления как правовая культура. Так, Ф. Х. Галиев, исследуя правовую культуру современного российского общества, приходит к выводу о том, что ей присуще такое свойство как синкретизм [11, с. 26]. При этом традиционно в культурологии синкретизм определяется как неразделенность восприятия тех или иных явлений культуры, в том числе в рамках культурологических понятий [5, с. 84]. Такое свойство, как верно замечает А. С. Ахиезер, присуще исторически складывающимся формам восприятия культуры, для которых она предстает как единый объект, для познания которого не выделяются конкретные аспекты (предметы); такие формы не характерны для современного познания (в том числе научного познания правовой культуры как фрагмента культуры общества), основанного на предметном рассмотрении явлений культуры [5, с. 84, 85, 135]. Подобная концептуализация, вполне соответствующая современным представлениям о методологии познания, тем не менее, игнорируется Ф. Х. Галиевым; стремясь отыскать синкретизм как свойство в рамках правовой культуры современного российского общества, автор, в частности, приходит к весьма неоднозначным выводам о синкретизме как ценности правовой культуры и даже как о нормативно-регулятивном инструменте, существующем наряду с правом, а в конечном итоге — и к выводу о том, что понятие синкретизма правовой культуры содержательно шире самого понятия «правовая культура» [12, с. 4, 8, 21]. Таким образом, в приведенном исследовании синкретизм правовой культуры предстает не как теоретическое понятие юридической науки, а как неопределенная дескрипция, поскольку автор по сути не отыскивает специфические свойства, тенденции и закономерности развития в рамках правовой культуры, а предпринимает попытку представить ее как некоторую теоретическую модель, которой присуще заранее заданное свойство — синкретизм.

Таким образом, если понятия правовой науки служат цели отыскания в предмете

правоведения специфических свойств, закономерностей и т. п., то неопределенные дескрипции заранее определяют какое-либо свойство и впоследствии направлены на обоснование наличия этого свойства у того или иного предмета или явления. Безусловно, в этом смысле неопределенные дескрипции как методологические средства не всегда соответствуют цели научного познания права, а именно — формированию нового знания о правовой действительности, а, следовательно, не всегда соответствуют и аксиологии понятийного аппарата правовой науки. Обращение к неопределенным дескрипциям оправданно, на наш взгляд, в рамках верификации научно-правовых исследований; в этом смысле как методологическое средство неопределенная дескрипция становится одним из способов эмпирической проверки научного правового исследования и в более широком контексте — одним из методологических оснований эмпирического критерия истинности в правовой науке [20, с. 95].

b) Теоретико-правовые понятия и идеи

Рассмотренное выше методологическое соотношение понятия юридической науки и неопределенной дескрипции связано с проблемным вопросом соотношения понятия и идеи. Проблематика идеи традиционно рассматривается в рамках философии. Так, в упомянутом ранее высказывании Платона идея рассматривается как мыслительный прообраз явлений или предметов окружающего мира, обладающий онтологическим статусом и в этом смысле существующий в концептуальном пространстве как абсолютный, сверхчувственный образец всего, что существует в материальном мире [45, с. 53]. В области права, правоведения разработка проблематики идей тесно связана с деятельностью глоссаторов, исторические рамки которой совпали со временем, когда в средневековой европейской философии началась дискуссия между номиналистами и реалистами. Реалисты (называемые также платониками) признавали онтологический (в смысле объективной реальности) статус идей, так называемых «универсалий», существовавших еще до единичных вещей (*universalia ante rem*) и существующих наряду с ними [29, с. 56; 34, с. 410]. Гносеологические установки реализма, в частности, прослеживаются в подходах глоссаторов к определению естественного права (*ius naturale*) как «права, природным инстинктом внушенного одним только людям и являющегося общим правом всего человечества» [15, с. 62] или как «права божественного, заключающегося в Моисеевом законе, или Евангелии» [15, с. 63]. Исследуя феномен идеи, классик европейской

философии Г. В. Ф. Гегель также исходит из понимания идеи как объективной истины, выраженной в совпадении мышления и реальности [13, с. 214]. В целом в современной философии, как пишет английский исследователь Дж. Л. Нанси, идея рассматривается как неизменное и в то же время никогда в полной мере не определимое утверждение, воплощенная в сознании сущность предмета или явления [80, с. 2]. Здесь представляется важным методологическое замечание Л. М. Алеевой, которая указывает, что если с позиции актуального философского дискурса рассматривать идею как «цель, достижение гармонического единства... то неизбежно признается антропоцентрический характер идеи, и... антропоцентризм идеального ведет к неизбежному релятивизму самого представления об идее» [4, с. 42]. Идея, тем самым, предстает как диалектическое отражение единичного и всеобщего, наполняемое различным содержанием в зависимости от общих социокультурных и индивидуальных исследовательских контекстов [35, с. 85].

Идею можно представить как мыслительную конструкцию некоторого образца, некоторой ценности, которым соответствуют предметы и явления актуальной действительности. В заданном контексте, как отмечал немецкий философ А. Шопенгауэр, «идеи по существу созерцательны», поскольку отражают в сознании «абстрактные всеобщности», «высшие ступени объектности воли» [66, с. 353, 354]. С позиции диалектики должного и сущего идея предстает как некое абсолютное должное (предмет и явление такие, какими они должны быть), а объект ее отражения — как сущее (предмет и явление такие, какие они есть) [27, с. 279]. Диалектика должного и сущего выступает методологическим фундаментом идеи как гносеологического феномена. В заданном контексте в области права и правовой науки идея выступает как форма осмысления правовой реальности с позиции того, какой она должна быть; при этом такая концептуализация основывается на аксиологии права, на представлении о правовых ценностях. Идея в сфере права выступает методологическим средством оценки правового регулирования и правовых теорий [61, с. 27]. Так, в Законе Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» отмечается, что Федеральное Собрание «осуждает многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с *идеями права* (выделено мною — В. П.)». Наиболее ярко идея проявляет себя в концептуальном пространстве естественно-правового подхода, юснатурализма XVII — XVIII столетий,

для которого, по замечанию И. Г. Фихте, характерно «развитие понятия права как того, что должно быть — без постановки вопроса об эмпирически существующем» [77, с. 73]. Приведенный тезис представляется обоснованным, поскольку в основе юснатурализма лежит идея о том, что существует система естественных, обусловленных самой природой человека правовых норм, которые в связи с этим носят универсальный характер и являются свойственными человеку как биосоциальному существу. Характеризуя идею, лежащую в основе естественно-правового подхода, нидерландский юрист Г. Гроций отмечал, что она «состоит в обнаружении необходимого *соответствия или несоответствия какой-нибудь вещи с разумной и общежительной природой* (выделено мною — В. П.)» [16, с. 73].

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что идея в рамках правоведения осуществляет своего рода методологическую трансформацию всей правовой теории, развивая ее в русле философских (в первую очередь — этических и аксиологических) контекстов [23, с. 67; 48, с. 78]. Так, Г. В. Лейбниц — один из основателей естествознания Нового времени — отмечал, что с точки зрения естественного права как *идеи* такие понятия этики как «добро» и «зло» становятся не философскими, а правовыми понятиями [79, с. 466, 480, 481]. В заданном контексте идея как представление о должном в правоведении отражается в содержании правовых понятий. Л. И. Петражицкий, подчеркивая характер права как «особого класса реальных феноменов», следующим образом определяет содержание понятия «право»: это «те этические переживания, эмоции, которые имеют атрибутивный характер» [44, с. 85]. Право в заданном контексте предстает как комплекс эмоций, отражающих правовое должное в человеческой психике; при этом в рамках данного понятия идея психологической природы права выступает как основание его содержательной интерпретации.

В этой связи допустимо утверждать, что идея и понятие в правовой науке выступают как содержание и форма: правовое понятие может отражать некоторую идею как представление о должном, выводимое из правового сущего, и таким образом объединять тенденции и закономерности развития правовых явлений с философскими представлениями о том, какими они должны быть [69, с. 55]. В этом смысле отождествление идеи и понятия в области правоведения некорректно методологически, поскольку идея в определенном смысле обуславливает содержание научного правового

понятия точно также, как это делает интерпретированная исследователем правовая действительность.

с) *Теоретико-правовые понятия и идеальные объекты*

Методологические вопросы соотношения идеи и понятия в правовой науке взаимосвязаны с проблемой соотношения юридического научного понятия и идеального объекта. Как верно замечает А. Ф. Черданцев, «объектами отражения и познания юридической науки в числе прочих выступают идеальные объекты механизма, системы правового регулирования» [65, с. 8]. Характеризуя сущность идеального объекта в рамках научного познания, В. С. Степин отмечает, что в отличие от эмпирически существующего объекта, денотата, резидентный ему идеальный объект обладает фиксированным набором признаков, инвариантным каким-либо факторам. При этом, как подчеркивает автор, по своим характеристикам (признакам) идеальный объект может в принципе не иметь резидентного ему объекта, существующего в эмпирической действительности [55, с. 92–93]. При этом ряд авторов отмечает, что идеальные объекты — это феномены человеческого сознания, отраженные в субъективном мышлении абстрактные модели предметов и явлений эмпирически познаваемой реальности [39, с. 129; 62, с. 64]. Если следовать данному подходу к пониманию идеальных объектов, то можно прийти к двум выводам: во-первых, идеальные объекты не существуют вне субъективного сознания и в этом смысле являются исключительно продуктом человеческого мышления; во-вторых, по сути любой феномен действительности, отраженный в сознании в форме своей абстрактной модели, «лишенной затемняющих или искажающих факторов» [62, с. 64] представляет собой идеальный объект. Обоснованно критикуя такой подход, советский философ Э. В. Ильенков отмечал, что свойство идеальности придает объекту отражения не сам факт его мыслительного восприятия, а придание ему в процессе общественно-исторической практики таких свойств, при которых резидентный ему объект материального мира (либо свойства явлений) становится формой, в которой воплощаются неэмпирическое содержание [21, с. 109–110]. В свое время К. Маркс очень точно показал характеристики формы стоимости как идеального объекта на следующем примере: «Как потребительская стоимость — писал К. Маркс — холст есть вещь, чувственно отличная от сюртука; как стоимость, он «сюртукоподобен», выглядит совершенно так же, как сюртук. Таким образом,

холст получает форму стоимости, отличную от его натуральной формы. Его стоимостное бытие проявляется в его подобии сюртуку» [36, с. 61]. В рамках данного примера стоимость как идеальный объект имеет определенные формы внешнего выражения — конкретные предметы материального мира. Как идеальный объект, стоимость становится особой характеристикой предмета, которая не присуща ему *per se*, а формируется в предметном поле конкретных социальных практик.

Таким образом, идеальный объект представляет собой систему свойств (связей, характеристик и т. п.), которые придаются каким-либо предметам или явлениям действительности для целей вовлечения этих предметов или явлений в пространство социальной деятельности. Здесь прослеживается связь идеального объекта с родовым феноменом — идеей, поскольку и идея, и идеальный объект по своим методологическим характеристикам основываются на категории должного. Однако если идея нематериальна и в целом выступает своего рода философской парадигмой, определяющей специфику смысловых контекстов, придаваемых тем или иным предметам или явлениям, то идеальный объект конструируется на основании свойств, присущих предметам и явлениям эмпирической действительности *per se* [8, с. 230].

Рассмотрим специфику идеальных объектов в области права и науки о праве на примере такого явления правовой действительности как «юридический факт». Соответствующий термин впервые употребил германский юрист Ф. К. фон Савиньи; в исследовании, посвященном системе римского права, он указывал: «Я называю события, которые вызывают возникновение или прекращение правоотношений, *юридическими фактами*» [52, с. 212]. В этом смысле, как отмечает В. Б. Исаков, юридический факт объединяет в себе материальную сторону (то есть конкретные явления в структуре общественных отношений) и идеальную, связываемую исследователем с фиксацией юридических фактов их правовых последствий в нормативно-правовых актах [24, с. 13]. Существо юридического факта состоит, тем самым, в придании каким-либо событиям актуальной действительности (например, заключению договора или его расторжению, рождению или смерти, причинению вреда или возмещению убытков и т. д.) особых свойств в области права, а именно — способности порождать, изменять или прекращать юридические отношения. Такой характер, как писал Л. И. Петражицкий, придает событиям, именуемым юридическими фактами, субъективное

мышление: «Важны и имеют решающее значение в правовой жизни, — отмечал исследователь, — не факты заключения договоров, как таковые, а вера в существование таких фактов» [44, с. 458–459]. Однако такой подход видится дискуссионным хотя бы в том смысле, что осознание субъектами правоотношения юридико-фактического характера их действий или отсутствие такого осознания не означает, что от этого будет зависеть признание их взаимных действий (например, досрочного исполнения обязательств) юридическими фактами. Юридический факт в заданном контексте инвариантен его восприятию в качестве такового; способность субъективного поведения, явлений природного характера и т. п. порождать определенные последствия в области права — это их особая характеристика, не являющаяся изначально им присущей, а формирующаяся именно в рамках юридической деятельности. Это убедительно демонстрирует Ф. К. фон Савиньи. Так, по замечанию исследователя, в практике римского права с течением времени сложились представления о том, что зачатый, но еще не родившийся ребенок в случае смерти его отца, под властью которого этот ребенок находился бы (*pater familias*), наследует его имущество наряду с другими наследниками. Правовое значение в данном контексте стало придаваться трем взаимосвязанным фактам: а) зачатию ребенка; б) гипотетическому нахождению его под властью *pater familias*; в) смерти *pater familias* [52, с. 211]. Указанные обстоятельства *per se* являются фактами объективной действительности, однако для целей защиты интересов еще не родившегося ребенка римской юриспруденцией было придано юридическое содержание данным фактам. В этом смысле в правовой сфере эти жизненные обстоятельства стали юридическими фактами — идеальными объектами, существующими в юридической действительности и отражающими особые правовые свойства жизненных обстоятельств, которые не являются присущими данным обстоятельствам изначально.

Таким образом, идеальные объекты в праве представляют собой особые свойства предметов и явлений, относящихся к эмпирической действительности, формируемые в структуре этих предметов и явлений в процессе общественно-исторической практики для целей их восприятия и интерпретации правовыми средствами. Идеальные объекты в заданном контексте представляют собой особое правовое содержание, формой выражения которого выступают явления и предметы эмпирической социальной действительности; в этом

смысле идеальные объекты в праве становятся первичными по отношению к предметам и явлениям, отражающим их. В области научного познания права сущность идеальных объектов определяется через содержание правовых понятий (например, таких понятий как «юридический факт», «механизм правового регулирования» и т. п.). В этой связи идеальный объект не может быть методологически отождествлен с правовым научным понятием, поскольку оно выступает формой содержательного отражения идеальных объектов в концептуальном пространстве юридической науки. Так, сам по себе юридический факт как идеальный объект правовой действительности — это особый содержательно-правовой феномен, сущность которого отражается в одноименном правовом понятии, которое по своим методологическим характеристикам не тождественно отражаемому идеальному объекту. Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что идеальные объекты формируются в рамках общественно-исторической практики посредством придания предметам и явлениям материального мира особых свойств, обусловленных социальными ценностями и потребностями, и отражаются в понятийном аппарате юридической науки.

д) Теоретико-правовые понятия и концепты

Завершая рассмотрение проблемы методологического соотношения идеального объекта правовой действительности и понятия правовой науки, следует обратить внимание на методологический вопрос соотношения юридического научного понятия и концепта. По свидетельству С. С. Неретиной, впервые термин «концепт» был употреблен средневековыми философами П. Абеляром и Гильбертом Порретанским [41, с. 28]. Учение П. Абеляра и Гильберта Порретанского — концептуализм — основывалось на признании за идеями, универсалиями, статуса особой формы познания действительности [32, с. 228]. С точки зрения концептуализма, концепты (*conceptus*) носили доопытный характер, но при этом изначально закреплялись в разуме в качестве своего рода методологических инвариантов мышления. В этом смысле концепты предстают как «условие возможности конструктивной деятельности человеческого разума» [60, с. 57]. В заданном контексте, как отмечает С. С. Неретина, «концепты связаны не с формами рассудка, они есть производное возвышенного духа... который способен творчески воспроизводить, или собирать (*concupere*), смыслы... как универсальное, представляющее собой связь вещей и речей, и который включает в себя рассудок

как свою часть» [41, с. 29]. В этом смысле концепт представляет собой *устоявшуюся смысловую единицу*, воспроизведенную и интерпретированную в субъективном мышлении, выведенную из познаваемого фрагмента действительности, но при этом являющуюся не «продуктом» мышления (как идея *per se*, основанная в первую очередь на диалектике должного и сущего), а представляющую собой фундаментальную априорную истину, не зависящую от культурно-когнитивных контекстов ее восприятия [40, с. 8]. Мышление, в данном случае, становится методологическим инструментом, позволяющим объективировать концепт в сознании субъекта.

Несколько иной подход к определению сущности концептов утвердился в современной постмодернистской философии. Так, Ж. Делёз и Ф. Гваттари, одни из ярких представителей европейского постмодернизма, рассматривают концепт как некоторый абсолютный объект, «событие», первичное по отношению к субъекту и отражаемое в речи как средстве воспроизведения действительности [17, с. 11, 28, 256]. Для постмодернизма концепт — это сама познаваемая действительность, воплощенная в речи и в данном смысле методологически различная с понятием.

По нашему мнению, обобщая изложенное, концепт можно представить как предметно-смысловое выражение познаваемой действительности, отражающее ее сущностные свойства. Так, если идеальный объект — это отражение свойств действительности, которые придаются ей в процессе общественно-исторической практики, то концепт — это сущность конкретного фрагмента действительности *per se*. При этом концепт объективен по своей природе, в то время как идея, выражающее представления о должном в области сущего, субъективна. В то же время, проходя сквозь призму исследовательских контекстов, концепт того или иного явления правовой действительности наполняется новым содержанием, формируемым исследовательской методологией и образующим смысловое ядро правовой теории [81, с. 22]. Так, если рассматривать право как систему волевого взаимодействия субъектов [65, с. 9], объективная сущность которой представлена влиянием сознания на сознание, то эта сущность может быть представлена как вариативная множественность концептов, то есть типов правопонимания, основанных на различной предметной интерпретации сознательно-волевой сущности права: психологического, нормативистского, реалистического и т. п. В заданном контексте объективной сущности права

(концепту права) соответствуют его несколько предметных интерпретаций (концептов), которые выражаются в различных понятиях права.

Таким образом, концепт в праве и правовой науке — это сущность познаваемого объекта, различные предметные и методологические интерпретации которого оказывают влияние на восприятие этой сущности, создавая соответствующие концепту *per se* субъективные концепты. Соответственно, в заданном контексте правовые научные понятия выступают средством отражения того или иного концепта права.

*е) Теоретико-правовые понятия
и юридическая теория*

Завершая рассмотрение данного аспекта настоящего исследования, обратимся к проблеме методологического соотношения понятия и теории в области правоведения. Как правило, в исследовательской литературе теория определяется как система знаний, выводимых из эмпирического материала и предназначенная для объяснения и содержательного изменения познаваемой действительности [46, с. 65–75; 50, с. 211–212; 54, с. 91; 56, с. 9]. В этом смысле следует согласиться с мнением А. А. Фурсова, отмечающего, что теория, формируя исследовательскую картину мира, неизбежно выходит за пределы эмпирических данностей [64, с. 33–34]. Задача теории, таким образом, состоит не в «фиксации» исследуемого фрагмента действительности, а в выявлении присущих ему закономерностей и тенденций функционирования и развития [74, с. 55–56]. С этой позиции, как отмечает Р. Карнап, не все теоретические конструкции (понятия, термины, идеальные объекты и т. д.) могут быть эмпирически интерпретированы, но это отнюдь не означает, что при такой ситуации они должны быть признаны ненаучными [76, р. 49]. Разделяя данное утверждение, обратимся к методологическому анализу объектов космологии. Так, В. В. Казютинский, исследуя современную концепцию Вселенной, подчеркивает, что в отношении объектов космологии такие критерии обоснованности научного знания как эксперимент и эмпирическая проверка неприменимы, в связи с чем космологические теории строятся не столько на объективных критериях, сколько на ценностях и индивидуальных предпочтениях исследователя [25, с. 103–116]. Подтверждение данного тезиса обнаруживается в работах А. Эйнштейна. Так, анализируя с методологической стороны сформулированную им специальную теорию относительности, выдающийся физик-теоретик отмечал, что в ее основу были положены не только эмпирические факты, но и качественно новые философские концепции материи, пространства, времени, движения, причинности

и закономерности [70, с. 164]. В этом смысле ученый отмечал, что основания научные теории представляют собой «свободное творение человеческого ума, которое нельзя оправдать ни природой самого человеческого ума, ни тем более как-то априори» [70, с. 62].

Теория, таким образом, «выходит за рамки» чисто эмпирически воспринимаемой действительности, поскольку методологический аспект построения теории предполагает неизбежное изменение познаваемой действительности (в первую очередь — в рамках выделения в ее структуре отдельного исследуемого фрагмента, который впоследствии получает статус предмета науки), соотнесение ее с индивидуальными представлениями и актуальными культурно-смысловыми контекстами исследования [67, с. 144].

В целом теорию можно представить в качестве основанной на эмпирической действительности, но не исчерпывающей ее системе представлений (гипотез, концепций, идей, понятий и т. п.), формируемых в методологическом пространстве научно-познавательной деятельности и отражающих характеристики, свойства, закономерности и тенденции функционирования и развития, присущие познаемому объекту. В этом смысле понятие — это фундаментальная структурная единица теоретического знания. Так, построение правовой теории (к примеру, теории юридического процесса) предполагает образование в ее системе юридических понятий (к примеру, понятия процессуальной формы, понятия стадии юридического процесса и т. д.), отражающих фундамент данной теории, то есть научные представления о сущностных свойствах юридического процесса, закономерностей его развития и т. п. [59, с. 71–84, 123–130].

Таким образом, юридическое научное понятие и научно-правовая теория соотносятся как часть и целое. Теория в заданном контексте определяет параметры и свойства части, в первую очередь — ее направленность на отражение основных положений теории. В этом смысле понятия правовой науки становятся структурно-функциональными элементами правовой теории, выражающую ее в «свернутом» виде (как квинтэссенция) наряду с правовыми идеями, концептами и т. д.

Выводы

Результаты проведенного исследования находят свое отражение в следующих выводах:

1. Будучи формой теоретического отражения предмета юридической науки, юридические научные понятия по существу остаются фрагментами действительности мышления,

внешне выражаемыми в терминах языка юридической науки. Тем самым, для целей организации понятийно-терминологических исследований в правоведении допустимо обозначить два основных методологических контекста исследования понятий в юридической науке: онтогносеологический и функционально-лингвистический. В первом контексте научные правовые понятия рассматриваются с точки зрения их генезиса в структуре знания и методологии образования, во втором — в рамках их соотношения с терминологическими формами с точки зрения языка науки. Принимая во внимание динамику научного познания и специфику современной организации теоретического знания, автор приходит к выводу о том, что первостепенное значение в плане методологических проблем правове­дения имеет рассмотрение научных правовых понятий в онтогносеологическом аспекте.

2. Понятия юридической науки являются видом научных понятий, которые, в свою очередь, относятся к понятию как родовой категории. При этом следует различать понятие в логическом и в философско-методологическом смысле, поскольку логический подход к феномену понятия инвариантен конкретным методологическим особенностям той или иной науки. В связи с этим предлагается определить

научные правовые понятия как воспроизводимые в юридическом научном познании предметно-содержательные формы, в которых отражаются основные сущностные особенности, отношения и закономерности функционирования и развития, присущие явлениям и предметам правовой действительности.

3. В контексте этой специфики научных правовых понятий в настоящем исследовании проведено их сравнение со смежными методологическими явлениями (идеей, концептом, теорией, неопределенной дескрипцией и идеальным объектом).

Заключение

Обобщая изложенное, можно констатировать, что методологические вопросы соотношения юридических научных понятий со смежными методологическими феноменами (неопределенной дескрипцией, идеей, идеальным объектом, концептом и теорией) являются дискуссионными. В этом смысле проведенное исследование не может претендовать на окончательное разрешение рассмотренных методологических проблем, и направлено в первую очередь на актуализацию проблематики методологической сущности понятий правовой науки в исследовательском пространстве современного правове­дения.

Список литературы

1. Авдеенко, Н. И. Механизм и пределы регулирующего воздействия гражданско-процессуального права / Н. И. Авдеенко. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1969. — 72 с.
2. Алексеев, С. С. Право: методологические подходы к исследованию / С. С. Алексеев // Вопросы философии. — 1983. — № 3. — С. 116–119.
3. Анисов, А. М. Неконструктивные рассуждения и ϵ -исчисления / А. М. Анисов // Философия науки. — 1998. — Т. 4, № 1. — С. 212–222.
4. Алеева, Л. М. Понятие идеального в смене культурных парадигм / Л. М. Алеева // Язык. Словесность. Культура. — 2011. — № 3. — С. 27–47.
5. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. I. От прошлого к будущему / А. С. Ахиезер. — 2-е изд., перераб. и доп. — Новосибирск : «Сибирский хронограф», 1997. — 804 с.
6. Васильев, А. М. Правовые категории и их место среди категорий обществоведения / А. М. Васильев // Труды Всесоюзного юридического заочного института. Т. XXXII. — М. : ВЮЗИ, 1973. — С. 76–200.
7. Васильев, А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А. М. Васильев. — М.: Юридическая литература, 1976. — 264 с.
8. Вебер, М. Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послеслов. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
9. Войшвилло, Е. К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ / Е. К. Войшвилло. — М. : Изд-во МГУ, 1989. — 239 с.
10. Гаджиев, Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография / Г. А. Гаджиев. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. — 320 с.
11. Галиев, Ф. Х. Синкретизм современной правовой культуры : монография / Ф. Х. Галиев. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. — 354 с.
12. Галиев, Ф. Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Ф. Х. Галиев. — М. :

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. — 55 с.

13. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения. В 14 т. Т. 6. Наука логики. Ч. 2. Субъективная логика, или Учение о понятии / Г. В. Ф. Гегель. — М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1939. — 457 с.

14. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Г. Ф. Ф. Гегель. Том 1. Наука логики. — М. : Мысль, 1974. — 452 с.

15. Грабарь, В. Э. Римское право в истории международно-правовых учений: Элементы международного права в трудах легистов XII–XIV вв. / В. Э. Грабарь. — Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1901. — 293 с.

16. Гроций, Г. О праве войны и мира : репринт. с изд. 1956 г. — М. : Ладомир, 1994. — 868 с.

17. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. — М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. — 288 с.

18. Дунс Скот, И. Reportatio IV (фрагмент) // Методология науки: исследовательские программы / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. С. С. Неретина. — М. : ИФ РАН, 2007.

19. Зиновьев, А. А. Основы логической теории научных знаний / вступ. ст. В. А. Лекторского. — Изд. 3-е. — М. : ЛЕЛАНД, 2015. — 265 с.

20. Иванова, Л. А. Типы референции и определенные дескрипции / Л. А. Иванова // Вестник МИТХТ им. М. В. Ломоносова. — 2008. — Т. 3, № 2. — С. 91–97.

21. Ильенков, Э. В. Истоки мышления; Диалектика идеального / Э. Ф. Ильенков. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 208 с.

22. Ильичев, Л. Ф. О методологической функции исторического материализма / Л. Ф. Ильичев // Методологические проблемы общественных наук: По материалам Всесоюзной конференции «Актуальные проблемы методологии общественных наук». — М. : Наука, 1979.

23. Иоффе, О. С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О. С. Иоффе. — М. : Статут, 2000. — 781 с.

24. Исаков, В. Б. Юридические факты в советском праве / В. Б. Исаков. — М. : Юридическая литература, 1984. — 144 с.

25. Казютинский, В. В. Миры культуры и миры науки: эпистемологический статус космологии / В. В. Казютинский // Социокультурный контекст науки. — М. : ИФ РАН, 1998. — С. 103 — 116.

26. Канке, В. А. Методология научного познания : учебник для магистров / В. А. Канке. — 2-е изд., стер. — М. : Издательство «Омега-Л», 2014. — 255 с.

27. Кант, И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 1 / под ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. — М. : Мысль, 1965. — 544 с.

28. Кант, И. Трактаты / И. Кант. — СПб. : Наука, 1996. — 549 с.

29. Карнап, Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике / Р. Карнап. — М. : Издательство иностранной литературы, 1959. — 384 с.

30. Керимов, Д. А. Общая теория государства и права: предмет, структура, функции / Д. А. Керимов. — М. : Юридическая литература, 1977. — 136 с.

31. Кистяковский, Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б. А. Кистяковский. — М. : М. и С. Шабашниковы, 1916. — 704 с.

32. Кондаков, Н. И. Логический словарь / Н. И. Кондаков. — М. : Наука, 1971. — 721 с.

33. Косарева, Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культуры / Л. М. Косарева. — М. : Издательство «Институт психологии РАН», 1997. — 359 с.

34. Котарбинский, Т. Избранные произведения / пер. с польского М. М. Гуренко [и др.] ; общая ред., вступ. статья и коммент. д-ра философ. наук проф. И. С. Нарского ; ред. канд. философ. наук А. А. Якушев. — М. : Изд-во иностранной литературы, 1963. — 911 с.

35. Манхейм, К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. ; отв. ред. и сост. Я. М. Бергер и др. — М. : Юрист, 1994. — 700 с.

36. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I : Процесс производства капитала / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 23. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1960. — 908 с.

37. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 25. Ч. 2. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1962. — 551 с.

38. Мостепаненко, М. В. Философия и методы научного познания / М. В. Мостепаненко. — Л. : Лен-издат, 1972. — 263 с.

39. Нарский, И. С. Диалектическое противоречие и логика познания / И. С. Нарский. — М. : Наука, 1969. — 246 с.

40. Неретина, С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра / С. С. Неретина. — М. : Гнозис, 1995. — 182 с.
41. Неретина, С. С. Тропы и концепты / С. С. Неретина. — М. : ИФ РАН, 1999. — 277 с.
42. Орзих, М. Ф. Содержание методологии юридической науки / М. Ф. Орзих // Известия вузов. Правоведение. — 1973. — № 1. — С. 17–24.
43. Пашуканис, Е. Б. Общая теория права и марксизма. Избранные произведения по общей теории права и государства / Е. Б. Пашуканис. — М. : Наука, 1980. — 271 с.
44. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. — СПб. : «Лань», 2000. — 608 с.
45. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса ; пер. с древнегреч. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та ; «Изд-во Олега Абышко», 2007. — 752 с.
46. Поппер, К. Логика социальных наук / К. Поппер // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 65–75.
47. Прокофьев, Г. С. Соотношение права и языка: теоретико-философский анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г. С. Прокофьев. — М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2002. — 28 с.
48. Пухта, Г. Ф. Энциклопедия права / пер. с 6-го изд. под ред. П. Карасевича. — Ярославль : Типография Г. Фальк, 1872. — 99 с.
49. Рейтман, У. Р. Познание и мышление: Моделирование на уровне информационных процессов : пер. с англ. / под ред. [и со вступ. статьей, с. 5–23] канд. биол. наук А. В. Напалкова. — М. : Мир, 1968. — 400 с.
50. Ренжина, С. В. Научные теории и их истинность в концепции К. Р. Поппера // Сумма философии. Вып. 7. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. — С. 211–214.
51. Розов, М. А. О природе идеальных объектов науки / М. А. Розов // Философия науки. — 1998. — Т. 4, № 1. — С. 40–51.
52. Савиньи, Ф. К. фон. Система современного римского права : в 8 т. Т. II / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. — М. : Статут ; Одесса : Центр исследования права им. Савиньи, 2012. — 573 с.
53. Степин, В. С. Философия науки и техники : учеб. пособие / В. С. Степин, В. Г. Горохов, М. А. Розов. — М. : Гардарика, 1996. — 400 с.
54. Степин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степин. — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — 744 с.
55. Степин, В. С. Философская антропология и философия науки / В. С. Степин. — М. : Высшая школа, 1992. — 191 с.
56. Сурилов, А. В. Теория государства и права : учеб. пособие / А. В. Сурилов. — К. ; Одесса: Выща шк., 1989. — 439 с.
57. Тарасов, Н. Н. К вопросу о предмете общей теории права и теоретических понятиях / Н. Н. Тарасов // Российский юридический журнал. — 2015. — № 6. — С. 9–21.
58. Тарасов, Н. Н. Методологические проблемы юридической науки / Н. Н. Тарасов. — Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2001. — 264 с.
59. Теория юридического процесса / под общ. ред. проф. В. М. Горшенева. — Харьков : Вища школа, 1985. — 192 с.
60. Тимошина, Е. В. Право как «идея», как «фикция» и как «факт»: о номинализме и реализме в теории права / Е. В. Тимошина // Труды Института государства и права Российской Академии Наук. — 2013. — № 4. — С. 48–75.
61. Тихомиров, Ю. А. Правоприменение: от стихийности к системе / Ю. А. Тихомиров // Журнал российского права. — 2007. — № 12. — С. 27–36.
62. Улевич, Е. С. Идеальные объекты в социально-гуманитарных науках / Е. С. Улевич // Омский научный вестник. — 2006. — № 9 (47). — С. 63–67.
63. Философский энциклопедический словарь. — М. : Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.
64. Фурсов, А. А. Проблема статуса теоретического знания науки в полемике между реализмом и антиреализмом / А. А. Фурсов. — М. : Издатель Воробьев А. В., 2013. — 240 с.
65. Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография / А. Ф. Черданцев. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. — 320 с.
66. Шопенгауэр, А. О четвероюм корне закона достаточного основания. Мир как воля и представление : Том 1. Критика кантовской философии / А. Шопенгауэр. — М. : Книга по Требованию, 2013. — 674 с.
67. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. — М. : Школа Культурной Политики, 1995. — 800 с.

68. Щедровицкий, Г. П. О методе исследования мышления / Г. П. Щедровицкий ; сост. А. А. Пископ-пель, В. Р. Рокитянский, Л. П. Щедровицкий. — М. : Фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2006. — 600 с.
69. Щедровицкий, Г. П. О некоторых моментах в развитии понятий / Г. П. Щедровицкий // Вопросы философии. — 1958. — № 6. — С. 55–64.
70. Эйнштейн, А. Физика и реальность / А. Эйнштейн. Сборник статей. — М. : Наука, 1965. — 360 с.
71. Эко, У. Отсутствующая структура: введение в семиологию / пер. А. Г. Погоняло и В. Г. Резник. — М. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 432 с.
72. Юдин, Б. Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации / Б. Г. Юдин // Философские исследования. — 1993. — № 3. — С. 83–106.
73. Яновская, С. А. Методологические проблемы науки / под общ. ред. И. Г. Башмаковой, Д. П. Горского, В. А. Успенского ; закл. ст. Б. В. Бирюкова, О. А. Борисовой. — Изд. 2-е. — М. : КомКнига, 2006. — 288 с.
74. Bridgman, P. The Operational Character of Scientific Concepts // *The Philosophy of Science* / Ed. R. Boyd, P. Gasper and J. D. Trout. — Cambridge, Massachusetts: MIT Press; London: A Bradford Book, 1999, pp. 57–69.
75. Carey, S. Knowledge Acquisition: Enrichment or Conceptual Change? // Carey S., Gelman R. (Eds.). *The Epigenesis of Mind: Essays on Biology and Cognition*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1991, pp. 257–291.
76. Carnap, R. The Methodological Character of Theoretical Concepts. *The Foundations of Science and the Concepts of Psychology and Psychoanalysis. Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. Vol. 1. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1956. — pp. 38–76.
77. Klenner, H. Savigny's Research Program of the Historical School of Law and its Intellectual Impact in 19th Century Berlin. *American Journal of Comparative Law*. 1989, Vol. 37, no. 1, pp. 67–80.
78. Lawrence, S. and Margolis, E. Concepts and Cognitive Science. *Concepts: Core Readings*. — Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 1999, pp. 3–83.
79. Leibniz, G. W. Philosophische Schriften. Erster Band: 1663–1672. Berlin: Akademie-Verlag, 1971, 757 p.
80. Nancy, J.-L. The Experience of Freedom. *Stanford : Stanford University Press*, 1993, 248 p.
81. Quine, W. V. From a Logical Point of View: 9 Logico-Philosophical Essays / 2nd ed., rev. *New York: Harper & Row*, 1963, 184 p.
82. Russell, B. Introduction to Mathematical Philosophy. *London: George Allen & Unwin, Ltd*, 1920, 338 p.

References

1. Avdeenko, N. I. Mekhanizm i predely reguliruyushchego vozdeystviya grazhdansko-processual'nogo prava / N. I. Avdeenko. — L.: Izd-vo Leningrad. un-ta, 1969. — 72 s.
2. Alekseev, S. S. Pravo: metodologicheskie podhody k issledovaniyu / S. S. Alekseev // *Voprosy filosofii*. — 1983. — № 3. — С. 116–119.
3. Anisov, A. M. Nekonstruktivnye rassuzhdeniya i ε-ischisleniya / A. M. Anisov // *Filosofiya nauki*. — 1998. — Т. 4, № 1. — С. 212–222.
4. Aleeva, L. M. Ponyatie ideal'nogo v smene kul'turnyh paradigm / L. M. Aleeva // *YAzyk. Slovesnost'. Kul'tura*. — 2011. — № 3. — С. 27–47.
5. Ahiezer, A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sociokul'turnaya dinamika Rossii). T. I. Ot proshlogo k budushchemu / A. S. Ahiezer. — 2-e izd., pererab. i dop. — Novosibirsk: «Sibirskij hronograf», 1997. — 804 s.
6. Vasil'ev, A. M. Pravovye kategorii i ih mesto sredi kategorij obshchestvovedeniya / A. M. Vasil'ev // *Trudy Vsesoyuznogo yuridicheskogo zaochnogo instituta*. Т. XXXII. — М.: VYUZI, 1973. — С. 76–200.
7. Vasil'ev, A. M. Pravovye kategorii: Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorij teorii prava / A. M. Vasil'ev. — М.: YUridicheskaya literatura, 1976. — 264 s.
8. Veber, M. Izbrannye proizvedeniya: Per. s nem. / M. Veber; Sost., obshch. red. i posleslov. Yu. N. Davydova; Predisl. P. P. Gajdenko. — М.: Progress, 1990. — 808 s.
9. Vojshvillo, E. K. Ponyatie kak forma myshleniya: logiko-gnoseologicheskij analiz / E. K. Vojshvillo. — М.: Izd-vo MGU, 1989. — 239 s.
10. Gadzhiev, G. A. Ontologiya prava : (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo koncepta dejstvitel'nosti) : monografiya / G. A. Gadzhiev. — М. : Norma : INFRA-M, 2013. — 320 s.
11. Galiev, F. H. Sinkretizm sovremennoj pravovoj kul'tury : monografiya / F. H. Galiev. — Ufa: RIC BashGU, 2011. — 354 s.
12. Galiev, F. H. Sinkretizm pravovoj kul'tury sovremennoj Rossii: teoretiko-metodologicheskoe i istoriko-prikladnoe issledovanie: Avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk / F. H. Galiev. — М.: Rossijskaya akademiya narodnogo hozjaystva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii, 2014. — 55 s.

13. Gegel', G. V. F. Sochineniya. V 14 t. T. 6. Nauka logiki. Ch. 2. Sub'ektivnaya logika, ili Uchenie o ponyatii / G. V. F. Gegel'. — M.: Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1939. — 457 s.
14. Gegel', G. V. F. Enciklopediya filosofskih nauk / G. F. F. Gegel'. Tom 1. Nauka logiki. — M.: Mysl', 1974. — 452 s.
15. Grabar', V. E. Rimskoe pravo v istorii mezhdunarodno-pravovyh uchenij: Elementy mezhdunarodnogo prava v trudah legistov XII — XIV vv / V. E. Grabar'. — YUr'ev: Tip. K. Mattisena, 1901. — 293 s.
16. Grocij, G. O prave vojny i mira : Reprint. s izd. 1956 g. — M.: Ladomir, 1994. — 868 s.
17. Delyoz Zh., Gvattari F. CHto takoe filosofiya? / Per. s fr. i poslesl. S. N. Zenkina. — M.: Institut eksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejya, 1998. — 288 s.
18. Duns Skot, I. Reportatio IV (fragment) // Metodologiya nauki: issledovatel'skie programmy / Ros. akad. nauk, In-t filosofii ; Otv. red. S. S. Neretina. — M.: IFRAN, 2007.
19. Zinov'ev, A. A. Osnovy logicheskoy teorii nauchnyh znaniy / Vstup. st. V. A. Lektorskogo. Izd. 3-e. — M.: LELAND, 2015. — 265 s.
20. Ivanova, L. A. Tipy referencii i opredelennye deskripcii / L. A. Ivanova // Vestnik MITHT im. M. V. Lomonosova. — 2008. — T. 3, № 2. — S. 91-97.
21. Il'enkov, E. V. Istoki myshleniya; Dialektika ideal'nogo / E. F. Il'enkov. — M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010. — 208 s.
22. Il'ichev, L. F. O metodologicheskoy funkcii istoricheskogo materializma / L. F. Il'ichev // Metodologicheskie problemy obshchestvennyh nauk: Po materialam Vsesoyuznoj konferencii «Aktual'nye problemy metodologii obshchestvennyh nauk». — M.: Nauka, 1979.
23. Ioffe, O. S. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu. Iz istorii civilisticheskoy mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «hozyajstvennogo prava» / O. S. Ioffe. — M.: Statut, 2000. — 781 s.
24. Isakov, V. B. Yuridicheskie fakty v sovetskom prave / V. B. Isakov. — M.: YUridicheskaya literatura, 1984. — 144 s.
25. Kazjutinskij, V. V. Miry kul'tury i miry nauki: epistemologicheskij status kosmologii / V. V. Kazjutinskij // Sociokul'turnyj kontekst nauki. — M.: IF RAN, 1998. — S. 103-116.
26. Kanke, V. A. Metodologiya nauchnogo poznaniya : uchebnik dlya magistrrov / V. A. Kanke. — 2-e izd., ster. — M.: Izdatel'stvo «Omega-L», 2014. — 255 s.
27. Kant, I. Sochineniya: v 6 t. T. 4. Ch. 1 / pod red. V. F. Asmusa, A. V. Gulygi, T. I. Ojzermana. — M.: Mysl', 1965. — 544 s.
28. Kant, I. Traktaty / I. Kant. — SPb.: Nauka, 1996. — 549 s.
29. Karnap, R. Znachenie i neobhodimost'. Issledovanie po semantike i modal'noj logike / R. Karnap. — M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1959. — 384 s.
30. Kerimov, D. A. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: predmet, struktura, funkcii / D. A. Kerimov. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1977. — 136 s.
31. Kistyakovskij, B. A. Social'nye nauki i pravo. Ocherki po metodologii social'nyh nauk i obshchej teorii prava / B. A. Kistyakovskij. — M.: M. i S. SHabashnikov, 1916. — 704 s.
32. Kondakov, N. I. Logicheskij slovar' / N. I. Kondakov. — M.: Nauka, 1971. — 721 s.
33. Kosareva, L. M. Rozhdenie nauki Novogo vremeni iz duha kul'tury / L. M. Kosareva. — M.: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN», 1997. — 359 s.
34. Kotarbin'skij, T. Izbrannye proizvedeniya / Per. s pol'skogo M. M. Gurenko [i dr.]; Obshchaya red., vstup. stat'ya i komment. d-ra filosof. nauk prof. I. S. Narskogo; Red. kand. filosof. nauk A. A. Yakushev. — M.: Izd-vo inostrannoj literatury, 1963. — 911 s.
35. Manhejm, K. Diagnost nashego vremeni / Per. s nem. i angl.; Otv. red. i sost. Ya. M. Berger i dr. — M.: YUrist, 1994. — 700 s.
36. Marks, K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. Tom pervyj. Kniga I: Process proizvodstva kapitala / Marks K., Engel's F. Sochineniya. Tom 23. — M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1960. — 908 s.
37. Marks, K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. Tom tretij. Kniga III: Process kapitalisticheskogo proizvodstva, vzyatyj v celom / Marks K., Engel's F. Sochineniya. Tom 25. CH. 2. — M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1962. — 551 s.
38. Mostepanenko, M. V. Filosofiya i metody nauchnogo poznaniya / M. V. Mostepanenko. — L.: Lenizdat, 1972. — 263 s.
39. Narskij, I. S. Dialekticheskoe protivorechie i logika poznaniya / I. S. Narskij. — M.: Nauka, 1969. — 246 s.
40. Neretina, S. S. Slovo i tekst v srednevekovoj kul'ture. Konceptualizm Abelyara / S. S. Neretina. — M.: Gnozis, 1995. — 182 s.
41. Neretina, S. S. Tropy i koncepty / S. S. Neretina. — M.: IF RAN, 1999. — 277 s.
42. Orzih, M. F. Soderzhanie metodologii yuridicheskoy nauki / M. F. Orzih // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. — 1973. — № 1. — S. 17-24.

43. Pashukanis, E. B. Obshchaya teoriya prava i marksizma. Izbrannye proizvedeniya po obshchej teorii prava i gosudarstva / E. B. Pashukanis. — M.: Nauka, 1980. — 271 s.
44. Petrazhickij, L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti / L. I. Petrazhickij. — SPb.: «Lan'», 2000. — 608 s.
45. Platon. Sochineniya v chetyrekh tomah. T. 3. Ch. 1 / Pod obshch. red. A. F. Loseva i V. F. Asmusa; Per. s drevnegrech. — SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; «Izd-vo Olega Abyshko», 2007. — 752 c.
46. Popper, K. Logika social'nyh nauk / K. Popper // Voprosy filosofii. — 1992. — № 10. — S. 65–75.
47. Prokof'ev, G. S. Sootnoshenie prava i yazyka: teoretiko-filosofskij analiz : Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / G. S. Prokof'ev. — M.: MGU im. M. V. Lomonosova, 2002. — 28 s.
48. Puhta, G. F. Enciklopediya prava / Per. s 6-go izd. pod red. P. Karasevicha. — YAroslav': Tipografiya G. Fal'k, 1872. — 99 s.
49. Rejtman, U. R. Poznanie i myshlenie: Modelirovanie na urovne informacionnyh processov : Per. s angl. / Pod red. [i so vstup. stat'ej, s. 5–23] kand. biol. nauk A. V. Napalkova. — M. : Mir, 1968. — 400 s.
50. Renzhina, S. V. Nauchnye teorii i ih istinnost' v koncepcii K. R. Poppera // Summa filosofii. Vyp. 7. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2007. — S. 211–214.
51. Rozov, M. A. O prirode ideal'nyh ob'ektov nauki / M. A. Rozov // Filosofiya nauki. — 1998. — T4, №1. — S. 40–51.
52. Savin'i, F. K. fon. Sistema sovremennogo rimskogo prava: V 8 t. T. II / Per. s nem. G. Zhigulina; Pod red. O. Kutateladze, V. Zubarya. — M.: Statut; Odessa: Centr issledovaniya prava im. Savin'i, 2012. — 573 s.
53. Stepin, V. S. Filosofiya nauki i tekhniki : Ucheb. posobie / V. S. Stepin, V. G. Gorohov, M. A. Rozov. — M.: Gardarika, 1996. — 400 s.
54. Stepin, V. S. Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaya evolyuciya / V. S. Stepin. — M.: Progress-Tradiciya, 2000. — 744 s.
55. Stepin, V. S. Filosofskaya antropologiya i filosofiya nauki / V. S. Stepin. — M.: Vysshaya shkola, 1992. — 191 s.
56. Surilov, A. V. Teoriya gosudarstva i prava : ucheb. posobie / A. V. Surilov. — K.; Odessa: Vyshcha shk., 1989. — 439 s.
57. Tarasov, N. N. K voprosu o predmete obshchej teorii prava i teoreticheskikh ponyatij / N. N. Tarasov // Rossijskij juridicheskij zhurnal. — 2015. — № 6. — S. 9–21.
58. Tarasov, N. N. Metodologicheskie problemy juridicheskoy nauki / N. N. Tarasov. — Ekaterinburg: Izd-vo Gumanitarnogo universiteta, 2001. — 264 s.
59. Teoriya juridicheskogo processa / Pod obshch. red. prof. V. M. Gorsheneva. — Har'kov: Vishcha shkola, 1985. — 192 s.
60. Timoshina, E. V. Pravo kak «ideya», kak «fikciya» i kak «fakt»: o nominalizme i realizme v teorii prava / E. V. Timoshina // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj Akademii Nauk. — 2013. — № 4. — S. 48–75.
61. Tihomirov, Yu. A. Pravoprimerenie: ot stihijnosti k sisteme / Yu. A. Tihomirov // ZHurnal rossijskogo prava. — 2007. — № 12. — S. 27–36.
62. Ulevich, E. S. Ideal'nye ob'ekty v social'no-gumanitarnykh naukah / E. S. Ulevich // Omskij nauchnyj vestnik. — 2006. — № 9 (47). — S. 63–67.
63. Filosofskij enciklopedicheskij slovar'. — M.: Sovetskaya enciklopediya, 1983. — 840 s.
64. Fursov, A. A. Problema statusa teoreticheskogo znaniya nauki v polemike mezhdru realizmom i antirealizmom / A. A. Fursov. — M.: Izdatel' Vorob'ev A. V., 2013. — 240 s.
65. Cherdancev, A. F. Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudencii : monografiya / A. F. Cherdancev. — M. : Norma : INFRA-M, 2012. — 320 s.
66. Shopengauer, A. O chetveroyakom korne zakona dostatochnogo osnovaniya. Mir kak volya i predstavlenie: Tom 1. Kritika kantovskoj filosofii / A. Shopengauer. — M.: Kniga po Trebovaniyu, 2013. — 674 s.
67. Shchedrovickij, G. P. Izbrannye trudy / G. P. SHCHedrovickij. — M.: Shkola Kul'turnoj Politiki, 1995. — 800 s.
68. Shchedrovickij, G. P. O metode issledovaniya myshleniya / G. P. SHCHedrovickij; Sost. A. A. Piskoppel', V. R. Rokityanskij, L. P. Shchedrovickij. — M.: Fond «Institut razvitiya im. G. P. SHCHedrovickogo», 2006. — 600 s.
69. Shchedrovickij, G. P. O nekotorykh momentah v razvitii ponyatij / G. P. Shchedrovickij // Voprosy filosofii. — 1958. — № 6. — S. 55–64.
70. Ejnshtejn, A. Fizika i real'nost' / A. Ejnshtejn. Sbornik statej. — M.: Nauka, 1965. — 360 s.
71. Eko, U. Otsustvuyushchaya struktura: vvedenie v semiologiyu / Per. A. G. Pogonyajlo i V. G. Reznik. — M.: TOO TK «Petropolis», 1998. — 432 s.
72. Yudin, B. G. Istoriya sovetskoj nauki kak process vtorichnoj institucionalizacii / B. G. Yudin // Filosofskie issledovaniya. — 1993. — № 3. — S. 83–106.
73. Yanovskaya, S. A. Metodologicheskie problemy nauki / Pod obshch. red. I. G. Bashmakovoj, D. P. Gorskogo, V. A. Uspenskogo. Zakl. st. B. V. Biryukova, O. A. Borisovoj. Izd. 2-e. — M.: KomKniga, 2006. — 288 s.

74. Bridgman, P. The Operational Character of Scientific Concepts // *The Philosophy of Science* / Ed. R. Boyd, P. Gasper and J. D. Trout. — Cambridge, Massachusetts: MIT Press; London: A Bradford Book, 1999, pp. 57–69.
75. Carey, S. Knowledge Acquisition: Enrichment or Conceptual Change? // Carey S., Gelman R. (Eds.). *The Epigenesis of Mind: Essays on Biology and Cognition*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1991, pp. 257–291.
76. Carnap, R. The Methodological Character of Theoretical Concepts. *The Foundations of Science and the Concepts of Psychology and Psychoanalysis. Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. Vol. 1. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1956. — pp. 38–76.
77. Klenner, H. Savigny's Research Program of the Historical School of Law and its Intellectual Impact in 19th Century Berlin. *American Journal of Comparative Law*. 1989, Vol. 37, no. 1, pp. 67–80.
78. Lawrence, S. and Margolis, E. Concepts and Cognitive Science. *Concepts: Core Readings*. — Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 1999, pp. 3–83.
79. Leibniz, G. W. Philosophische Schriften. Erster Band: 1663 — 1672. Berlin: Akademie-Verlag, 1971, 757 p.
80. Nancy, J.-L. The Experience of Freedom. *Stanford* : Stanford University Press, 1993, 248 p.
81. Quine, W. V. From a Logical Point of View: 9 Logico-Philosophical Essays / 2nd ed., rev. New York: Harper & Row, 1963, 184 p.
82. Russell, B. Introduction to Mathematical Philosophy. London: George Allen & Unwin, Ltd, 1920, 338 p.

Дата поступления статьи: 24.03.2021.
